

УДК 34.347.1
ВВК 67.404.06

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ КАК ПРЕДЕЛ И ПРИНЦИП ПРАВА

Дерюгина Татьяна Викторовна

Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса
Волгоградского гуманитарного института
sofija96@mail.ru
400011 г. Волгоград, ул. Грибанова, д. 12 (Волгоградский гуманитарный институт)

Аннотация. В научной статье поднимаются вопросы о сущности и правовой природе юридической категории добросовестности, выявляется ее место в системе гражданских правоотношений. Представлен детальный критический обзор современного российского законодательства, практики применения, юридической литературы по проблемам отнесения добросовестности к принципам и пределам права.

Ключевые слова: добросовестность, пределы, принципы права, осуществление права, реализация права, нравственность, субъективное право, интерес.

Существование категории добросовестности в праве – назревшая необходимость, позволяющая ввести дополнительный критерий оценки поведения субъекта. Однако предпринятые законодателем попытки внести изменения в действующее гражданское законодательство не имеют системы, что отнюдь не способствует научному осмыслению данной категории, дезориентирует субъектов гражданских прав и вследствие этого нуждается в корректировке.

Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [4] официально закрепляет в качестве принципов гражданского права принцип «добросовестного поведения участников гражданских правоотношений».

При этом тот же ГК РФ в п. 2 ст. 6 Гражданского кодекса РФ (далее ГК РФ) [1] прямо разграничивает эти понятия, указывая на наличие общих начал гражданского законодательства (принципов) и требований добросовестности, которые в силу буквального тол-

кования к принципам гражданского права уже не относятся.

В то же время ст. 10 ГК РФ сохраняет норму о том, что «добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются». Тем самым добросовестность характеризуется как правовая презумпция.

Таким образом, правовая природа добросовестности приобретает некий двойственный характер. С одной стороны – это принцип, с другой – презумпция.

Необходимо отметить, что гражданское законодательство не ограничивается характеристикой категории добросовестности только как принципа или презумпции. Помимо вышеперечисленных случаев добросовестность рассматривается как:

- характеристика субъективной стороны правоотношения;
- необходимое требование осуществления права;
- предел осуществления гражданских прав;
- антипод недобросовестности.

Рассмотрим указанные ситуации с целью уяснить правовую природу категории добросовестности и дать ответ, является ли она принципом права, презумпцией или пределом осуществления права.

Презумпция – это суждение, которое считается верным до того момента, пока не будет опровергнуто. Следовательно, презумпция может либо опровергаться, либо признаваться верной. Принцип изначально не опровержим. Это основное, руководящее положение, действующее в отношении любого правоотношения и любого субъекта права. Таким образом, с научной точки зрения, презумпция и принцип – это разные правовые явления.

Полагаем, что как правовая презумпция добросовестность рассматриваться не должна. Соответственно мы выступаем за исключение п. 5 из ст. 10 ГК РФ. Почему?

Добросовестность является в первую очередь нравственной категорией, призванной сформировать устойчивый гражданский оборот на основании норм морали, принятых в данном обществе. Ее следует рассматривать как элемент субъективной стороны правоотношения и оценивать через этические, нравственные категории. В то же время включение в категорию добросовестности так называемого объективного критерия – незнания определенных фактов – позволяет говорить о ее равнозначности как категории нравственности.

Добросовестность представляет собой категорию, порожденную общественными отношениями, формируемыми в данном обществе не одно столетие и получившими закрепление в нормах права. Кроме того, добросовестность – это внутреннее состояние определенного субъекта, его представления о честности. Сравнивая субъективные представления конкретного субъекта с объективным выражением добросовестности в праве, мы получаем некое усредненное поведение, которое признается добросовестным. Безусловно, ключевым в понятии добросовестности является субъективный фактор. Но здесь нельзя забывать и о том, что с момента закрепления любой категории в норме права она приобретает объективный характер, является общеобязательным правилом, подкрепляемым государственным принуждением.

Тем не менее, по справедливому замечанию А.Я. Рыженкова, «объективность его весьма условна ввиду особенностей современного общества и организации информационного пространства. Как известно, моральный кодекс является неписанным, и для его прояснения можно обратиться либо к так называемому общественному мнению, либо к экспертам» [5].

Субъект должен соизмерять свои поступки с поступками других субъектов. Именно в данный момент индивидуальное понимание добросовестности трансформируется в некое универсальное понятие, которое понимается всеми членами общества приблизительно одинаково. Следовательно, говоря о добросовестности в праве, мы ведем речь о совокупности объективного и субъективного.

Полагаем, что действие принципа добросовестности выходит за рамки соблюдения только моральных и других неправовых социальных норм. С того момента, как данный принцип получил закрепление в нормах права, он получил распространение на все правоотношения, регулируемые гражданским законодательством. Мы не можем рассматривать его только как необходимость субъекта соблюдать права и законные интересы иных участников правоотношения, так как такая субъективная обязанность заложена уже в самом субъективном праве. Ни одно субъективное право не может осуществиться без выполнения субъективных обязанностей всеми субъектами правоотношений. Здесь же выдвигается дополнительное требование – добрая совесть субъектов правоотношений.

Не следует отождествлять принцип добросовестности в целом с принципом нравственного поведения, поскольку он является лишь одним из элементов, составляющей единицей понятия нравственности. Совершение действий в соответствии с добрыми нравами означает невступление лица в противоречие с требованиями нравственности, закрепленными в обществе. Здесь же мы говорим о доброй совести. Совесть есть «способность человека осуществлять нравственный самоконтроль, внутреннюю самооценку с позиции соответствия своего поведения требованиям нравственности, самостоятельно формулировать для себя нравственные задачи и требо-

вать от себя их выполнения» [3]. Совесть субъективна, она не ориентирована на одобрение окружающих или мнение авторитета. Она собственная оценка своих действий и поступков. Соответственно добрая совесть – это внутренняя субъективная оценка своего поведения, которая формирует такую направленность поведения субъекта, когда с учетом своих интересов он не нарушает законные интересы других лиц.

Исходя из этого мы вполне можем утверждать, что добросовестность может являться принципом гражданского права. «Для добросовестного субъекта не требуется, чтобы он осознавал и предвидел любые неблагоприятные для других лиц последствия, принцип добросовестности, в первую очередь, должен быть направлен на осознание собственного положительного поведения, на такую направленность своего поведения, чтобы, осуществляя свои права, не нарушать интересы других лиц. В этом проявляется субъективная составляющая данного принципа как элемента нравственности в целом» [2]. Объективная составляющая данного принципа, безусловно, должна быть выражена в необходимости действовать добросовестно при осуществлении любых прав, а последняя – закрепляться в норме права и распространяться на любые действия. Объективность добросовестности проявляется также в тех ситуациях, когда апелляция к добросовестному правоосуществлению помогает субъекту избежать ответственности в силу доказанности его добросовестного поведения.

Тем не менее в отличие от авторов изменений в ГК РФ мы полагаем, что данный принцип относится сугубо к осуществлению субъективных прав и должен размещаться в ст. 9 ГК РФ.

Обосновывая свою позицию о том, что добросовестность является общеотраслевым принципом, авторы изменений в ГК РФ указывали на то, что принцип добросовестности влияет на весь механизм возникновения, осуществления прекращения прав и обязанностей и их защите.

С данным утверждением мы согласиться не можем. Во-первых, установление прав и обязанностей, а также приобретение прав и обязанностей – это элементы осуществле-

ния субъективного права. Желая заключить договор и предпринимая для этого определенные шаги, мы осуществляем свое гражданское право на заключение договора. Тем самым речь и в первом (установление прав и обязанностей), и во втором (приобретение прав и обязанностей), и в третьем (осуществление прав и исполнение обязанностей) случае идет об осуществлении прав и исполнении обязанностей.

Более того, попытка соотносить принцип добросовестности с основаниями возникновения гражданских прав и обязанностей, предусмотренными в ст. 8 ГК РФ, в большинстве случаев приводит к отрицательному результату. Например, как должны сопоставляться с принципом добросовестности такие основания возникновения прав и обязанностей, как причинение вреда или возникновение прав и обязанностей из событий? Ни рождение, ни смерть, ни иные события, ни причинение вреда, ни иные основания возникновения прав и обязанностей не могут оцениваться с точки зрения добросовестности. Они могут подвергаться оценке только с точки зрения законности или незаконности.

С практической точки зрения применение добросовестности также не имеет правового значения. Лицо, имеющее юридическую обязанность, корреспондирующую данному праву, должно доказать, что право не могло возникнуть или прекратиться в силу того, что отсутствует правовое основание, либо оно незаконно, а никак не то, что лицо действовало добросовестно или нет.

В настоящее время принцип добросовестности заложен в основу приобретения права собственности в силу приобретательной давности, а также используется при регулировании истребования имущества от добросовестного приобретателя. Однако использование конструкции в рамках данной нормы лишено всякого смысла. Так и ст. 302 ГК РФ, и ст. 303 ГК РФ содержат конкретные критерии, которыми следует руководствоваться и суду, и субъектам правоотношения: лицо не знало и не могло знать; знало или должно было знать. Употребление здесь понятия добросовестности/недобросовестности излишнее. То же самое можно сказать и о формулировке п. 1 ст. 234 ГК РФ.

Похожие аргументы мы можем высказать и относительно оценки содержания прав и обязанностей сторон в соответствии с принципом добросовестности и особенно в отношении защиты гражданских прав. Содержание прав и обязанностей должно оцениваться только с позиции соответствия или несоответствия закону. В противном случае мы можем прийти к произволу в правоприменительной деятельности, так как добросовестность – это оценочное понятие.

Что касается отнесения принципа добросовестности к защите права, то следует отметить следующее. Любое лицо, обладающее субъективным гражданским правом, уже потому имеет защиту, что она провозглашена объективным правом (ст. 11–12 ГК). Ничего иного (добросовестности или недобросовестности не требуется). Помимо этого отсылка в данном случае к принципу добросовестности, на наш взгляд, прямо нарушает принцип законности.

Дополнительным аргументом в пользу такого вывода, на наш взгляд, служит то, что норма ст. 9 ГК РФ существует в единой и неразрывной связи с нормой ст. 10 ГК РФ, которая, в свою очередь, содержит конкретную санкцию за невыполнение требований соответствующих диспозиций. Если законодатель воспользуется нашим предложением, то за нарушение принципа добросовестности будет следовать лишение возможности осуществлять право таким недобросовестным способом. Если же мы поместим принцип добросовестности в ст. 1 ГК РФ, то конкретной санкции за нарушение этого принципа нет. Какую санкцию в этом отношении выберет суд? Вполне возможно, что путем ссылки на ст. 6 ГК РФ он применит ст. 10 ГК РФ, но может и не применить. В данном случае отсутствие единой санкции может нарушить принцип равенства субъектов правоотношений при использовании мер государственного принуждения, что недопустимо. Нормы о мерах государственного принуждения должны содержать одинаковые условия и основания применения для любых лиц. Именно поэтому требование добросовестности нельзя рассматривать в роли общего принципа гражданского права.

Не можем мы поддержать законодателя и в его стремлении рассматривать добросовестность как предел осуществления права.

Пределы осуществления права в первую очередь направлены на запрещение какого-либо поведения. В силу же провозглашения принципа добросовестности, наоборот, требуется, чтобы субъект вел себя определенным образом. Таким образом, пределы показывают, что нельзя делать, а добросовестность – как следует поступать. Вследствие этого полагаем, что принцип добросовестности должен находиться в ст. 9 ГК РФ, устанавливающей основные правила правоосуществления, а положения, регламентирующие установление правил о недопустимости совершения каких-либо действий, – в ст. 10 ГК РФ, касающейся установления пределов правоосуществления. Таким образом, мы проводим различия между принципами, устанавливающими общие правила о том, как необходимо осуществлять права (ст. 9 ГК РФ), и положениями, которые устанавливают запреты на определенное поведение (ст. 10 ГК РФ).

Следовательно, с точки зрения теории права добросовестность не может одновременно иметь правовую природу и принципа права, и правовую природу презумпции, и природу предела осуществления гражданских прав.

Применение принципа добросовестности должно выражаться во взвешивании своих интересов с позиции возможного нанесения вреда интересам других лиц, при этом каждый субъект правоотношения должен осуществлять права сообразно закону, договору и т. д. Следовательно, принцип добросовестности устанавливает равновесие интересов, требует проявлять известное внимание к чужим интересам. Однако для того чтобы он активно применялся, необходимо, чтобы в тех случаях, где на него ссылается закон, нормы были сформулированы императивно и субъекты своими соглашениями не могли отменить его действия.

Во-первых, при признании добросовестности принципом достаточно разработать единое универсальное понятие, которое должно иметь отношение ко всем институтам гражданского права. Во-вторых, такой подход, на наш взгляд, позволит применять данную категорию только в тех случаях, когда в законе отсутствует специальная норма, регулирующая данные правоотношения, что тоже является плюсом. Добросовестность – это оценочная категория, а раз так, то до-

пускает различное толкование, что более минус, чем плюс.

Таким образом, полагаем, что когда отношения сторон урегулированы законом или договором, то введение дополнительной категории в виде добросовестности лишено оснований. И лишь в тех случаях, когда отсутствуют и специальные, и общие нормы, и другие источники, регулирующие правоотношения, мы можем обратиться к принципу добросовестности.

Также мы считаем, что не следует включать в ст. 10 ГК РФ ссылку на добросовестность. Действия субъектов по осуществлению права следует оценивать с позиции последствий. Если субъект действовал, по мнению какого-либо лица, недобросовестно, но при этом третьи лица не претерпели никаких неблагоприятных последствий, то безразлично, добросовестные это действия или нет.

Другое дело, когда такими действиями причинен вред. Но в этом случае мы не должны обращаться к ст. 10 ГК РФ, есть специальные нормы, посвященные, например, деликтным обязательствам, их и следует применять.

Действие принципа добросовестности с целью установления наиболее полного содержания данного понятия необходимо ограничить конкретными запретами. Но эти запреты, по нашему мнению, с точки зрения используемой законодательной техники должны быть структурно отделены от управомочивающих и обязывающих норм. Вследствие этого считаем, что принцип добросовестности должен быть по-

мещен в ст. 9 ГК РФ, так как это принцип осуществления права. В свою очередь запреты, призванные установить наиболее полное и конкретное содержание положений закона, должны структурно размещаться в ст. 10 ГК РФ.

Таким образом, будет выстроена логичная система, так как в ст. 9, называемой «Осуществление гражданских прав», будут размещены принципы осуществления, а в ст. 10 «Пределы осуществления гражданских прав» – запреты, устанавливающие границы осуществления прав.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 30.12.2012) // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 1994. – 5 дек. – № 32, ст. 3301.
2. Дерюгина, Т. В. Теоретические аспекты осуществления субъективных гражданских прав : дис. ... д-ра юрид. наук / Дерюгина Татьяна Викторовна. – Волгоград, 2011. – 437 с.
3. Кобликов, А. С. Юридическая этика : учеб. для вузов / А. С. Кобликов. – М. : Норма : Инфра-М, 1999. – 243 с.
4. О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 30 декабря 2012г. № 302-ФЗ // Российская газета. – 2013. – 11 янв. (№ 3). – С. 1–4.
5. Рыженков, А. Я. Принцип добросовестности в обновленном гражданском законодательстве / А. Я. Рыженков // Право и образование. – 2013. – № 9. – С. 62–69.

GOOD CONSCIENCE OF PARTIES TO CIVIL MATTERS AS THE LIMIT AND PRINCIPLE OF LAW

Deryugina Tatyana Viktorovna

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Department of Civil Law and Procedure,
Volograd Institute of Humanities
sofija96@mail.ru
Gribanov Street, 12, 400011 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article deals with the questions of the essence and legal nature of good conscience as a juridical category and revelation of its place in the system of relationship of civil law. A detailed critical review of the present-day Russian legislation, application practice, and legal literature on the problems of attribution of good conscience to the principles and limits of law are represented.

Key words: good conscience, limits, principles of law, exercise of right, enforcement of right, good morals, legal right, interest.